1943 а
14

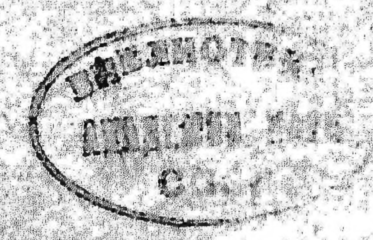
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

В. К. СИВКОВ

РАЗГРОМ НАПОЛЕОНА В РОССИИ в 1812 г.

5374.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К. В. СИВКОВ

РАЗГРОМ НАПОЛЕОНА В РОССИИ в 1812 году

22 июня 1941 г. фашистские заправилы Германии, вероломно нарушив договор с СССР о ненападении, двинули свои полчища через наши границы. Серьезная опасность нависла над нашей родиной. Это вероломное нападение на нашу прекрасную социалистическую родину «ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение» (Сталин).

Героическим отпором встретили славные Красная Армия и Красный морской и воздушный Флот наглых захватчиков, осмелившихся перейти рубежи Советского Союза. Сотни тысяч гитлеровских солдат уже нашли себе могилу на полях сражений. Тысячи фашистских самолетов после встречи с героической красной авиацией либо разбились о

EB_1941_AKS_378

советскую землю, либо лежат на дне морей, омывающих берега нашей страны.

Крепкую, могучую опору Красная Армия и Красный Флот имеют во всем советском народе, организующем им всестороннюю помощь. В ответ на призыв к отечественной войне нашего великого вождя тов. И. В. Сталина от 3 июля с. г. создается народное ополчение. В местностях, занятых врагом, уже организуются партизанские отряды, которые создадут там невыносимые условия для врага и всех его пособников и лишат его возможности использовать богатства нашей родины. Призыв тов. Сталина — «Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» — нашел горячий единодушный отклик в миллионах трудящихся. В стране идет подлинно всенародная отечественная война против фашистских угнетателей.

В грозные дни, переживаемые нашей родиной, мысль наша естественно обращается к прошлому, когда не раз нашей стране угрожала опасность порабощения. Одна из таких угроз нависла над ней почти 130 лет тому назад, когда французский император Наполеон так же воровски, как и Гитлер, без объявления войны, перешел границу России. Наполеон думал, что французы — избранная нация, все остальные народы могут быть только их данниками. Первым — все блага жизни, удел вторых — доставлять эти блага. Гитлер же, этот изувер, считает, что избранная нация — немцы; однако и они могут мыслить и чувствовать лишь по указке своего «фюрера». А об остальных народах и говорить нечего: им вообще ни мыслить, ни чувствовать не полагается. Полное материальное и духовное рабство — вот их удел. Наполеон пришел в Россию с так называемой «великой армией», которую многие считали непобедимой. Прошло только полгода, и ее жалкие остатки с трудом перебрались через русскую границу; это было «началом конца» наполеоновской империи: через три года она перестала существовать. Наполеон был общепризнанным гениальным

полководцем, но безумная идея заставить народы Европы служить интересам французских купцов и промышленников привела к полному краху созданную им империю, так как натолкнулась на такое мощное национально-освободительное и революционное движение среди народов Западной Европы, справиться с которым буржуазия Франции не могла. Начало этому разгрому империи Наполеона было положено в 1812 г. в России. Гитлер — ничтожество в сравнении с Наполеоном, но одержим той же бредовой идеей о господстве Германии над другими народами. Кто может сомневаться, что и его ожидает такой же разгром, какой 130 лет назад потерпел Наполеон!

* * *

К 1812 г. почти вся Западная Европа была у ног императора Франции — Наполеона. Но оставался непобежденным самый могущественный экономически враг французской буржуазии — Англия. Несмотря на все свое исключительное искусство в военном деле, Наполеон не мог нанести Англии такого удара, который подорвал бы ее экономическое могущество. Тогда Наполеон выдвинул проект экономической изоляции Англии, получивший название континентальной блокады или системы. Согласно этому проекту, все государства континента Европы должны были почти совсем прекратить торговлю с Англией, так как обязывались закрыть английским судам доступ в свои порты. В 1807 г., после поражения, нанесенного им русской армии при Фридланде, Наполеон заставил русского императора Александра присоединиться к континентальной блокаде (по договору, подписанному в Тильзите летом 1807 г.); Александр был обязан заставить Швецию тоже присоединиться к этой блокаде. Наполеону грезился в дальнейшем поход в Индию — эту жемчужину английской короны, причем завоевывать ее он хотел в значительной степени с помощью русского народа. Все эти захват-

нические действия и планы Наполеона сопровождались жесточайшей борьбой со всяким проявлением национального и революционного движения. В Испании же национально-освободительное движение получило такой размах, что Наполеон не мог с ним справиться, хотя и держал там более чем 200-тысячную армию. Испанские партизаны (гверильясы) вели неустанную и такую искусную борьбу с захватчиками, что на много лет приковали к Пиренейскому полуострову большие военные силы Наполеона. Но это ничему не научило французскую буржуазию, ее верного слугу Наполеона и созданное им правительство. «А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии». [1]

Войны, которые вело буржуазное правительство Наполеона, В. И. Ленин охарактеризовал так: «Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистических [2] отношений с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма — к «свободному» капитализму». [3]

Такой же империалистской войной была и та война, которую Наполеон повел против России в 1812 г. После 1807 г. Наполеон был убежден, что ничто не может помешать ему установить свою власть если не над всем миром,

---

[1] И. Сталин О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Партиздат, 1939, стр. 10.

[2] Империализмом я называю здесь грабеж чужих стран вообще, империалистской войной — войну хищников за раздел такой добычи (примечание В. И. Ленина).

[3] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 287.

то во всяком случае над всей Европой. «Я теперь все могу», — сказал он своему брату Люсьену вскоре после подписания договора с императором Александром в Тильзите. Однако, начав в 1812 г. войну против России, он жестоко просчитался.

Система континентальной блокады, к которой присоединился в 1807 г. русский царь, очень тяжело отзывалась на народном хозяйстве России. Своего торгового флота у России в то время не было, и внешняя торговля велась в значительной степени на английских судах. В связи с блокадой сократился вывоз из России хлеба и сельскохозяйственного сырья, и цены на хлеб и сельскохозяйственное сырье внутри России упали. Сократился ввоз товаров из-за границы, вследствие чего цены на них поднялись. Все это вызывало недовольство и ропот в среде дворянства и купечества.

Дворянство, чтобы зачинить прорехи в своем бюджете, стало усиливать эксплоатацию крестьянства. В результате — усилились крестьянские волнения.

Таким образом, если бы правительство Александра I, правительство дворян-помещиков, и хотело соблюдать полностью континентальную систему, оно не могло бы этого выполнить. Система постоянно нарушалась, несмотря на все протесты Наполеона. Ввоз и вывоз товаров в Россию и из России под так называемым нейтральным флагом, а в сущности на английских судах, росли. Наконец, в декабре 1810 г. правительство Александра I установило новый таможенный тариф, имевший целью сократить торговлю с Францией. Таким образом, для Наполеона вскоре же после 1807 г. стало ясно, что обязательства, принятые на себя императором Александром в Тильзите, не выполняются и не будут выполняться. Надо было заставить Россию стать послушным орудием политики французской буржуазии, и Наполеон начинает деятельно готовиться к войне с Россией. Созданное им в 1807 г. из польских земель,

отошедших по польским разделам в конце XVIII в. к Пруссии, герцогство Варшавское (оно было отдано в управление саксонскому королю, ставленнику Наполеона) должно было послужить плацдармом для развертывания операций против России. «Союз» с австрийским императором и прусским королем (на дочери первого из них Наполеон женился), которые не смели ни в чем ослушаться Наполеона, должен был усилить роль и значение польского плацдарма. Военный «союз» Австрии с Францией, заключенный в декабре 1811 г., обязывал Австрию выставить против России вспомогательный корпус в 30 тыс. человек, поступавший в полное распоряжение Наполеона. Со своей стороны, Наполеон обещал Австрии вернуть ей после окончания войны с Россией иллирийские провинции (на побережье Адриатического моря), которые он отнял у своего «союзника» в 1809 г. Так как в дальнейшие планы Наполеона после победы над Россией — а он в ней не сомневался — входило восстановление Польши, разумеется, во главе с правителем из многочисленных братьев или маршалов Наполеона, то Австрия обязывалась «уступить» этой будущей Польше Галицию, которую она получила по первому разделу польских земель в 1772 г.

Другой «союзник» Наполеона — прусский король, по договору, заключенному в феврале 1812 г., обязан был выставить вспомогательный корпус в 20 тыс. человек при условии постоянного его пополнения и, кроме того, он должен был поставлять французам овес, сено и прочий фураж в огромном количестве. За это прусский король получал довольно расплывчатое обещание «доставить прусскому королю территориальное вознаграждение, чтобы возместить жертвы и убытки, которые король понесет во время войны». Имеется документ, из которого видно, что прусский король, который, по выражению акад. А. В. Тарле, «трепетал, как осиновый лист», перед Наполеоном, требовал от французского правительства в случае успешного

исхода кампании уступки Курляндии, Лифляндии и Эстляндии.

К началу 1812 г. почти все приготовления к походу в Россию были закончены (между прочим, в апреле — мае 1812 г. были изготовлены фальшивые русские ассигнации), и Наполеон уже не скрывал своих намерений. Еще в августе 1811 г. он выступил открыто против России на торжественном церемониале празднования дня его рождения. Чуть не целый час он говорил в повышенном тоне с русским послом кн. Куракиным, обвиняя Россию во враждебных замыслах против Франции (обычный прием всех захватчиков, готовящих нападение), а затем прямо перешел к угрозам и самонадеянно заявил: «Счастье ли тому причиной, или храбрость моих войск, или то, что я немножко понимаю толк в военном ремесле, но всегда успех был на моей стороне, и я надеюсь, он и дальше будет на моей стороне, если вы меня принудите к войне». Наполеон, несомненно, понимал толк в военном ремесле, но он лгал, когда говорил, что успех всегда был на его стороне. Ему можно было бы напомнить хотя бы о поражениях, нанесенных его войскам русской армией под начальством Суворова в северной Италии в 1799 г. (французскими войсками командовал здесь лучший генерал французской армии, впоследствии маршал Наполеона — Макдональд), или о героической борьбе испанского народа против его захватнических планов.

Аудиенция кн. Куракина у Наполеона в апреле 1812 г. еще раз показала, что какие бы то ни было переговоры бесполезны, война Наполеоном решена и он только ждет подходящего момента для ее начала.

В мае в Дрездене, столице Саксонии, произошла встреча «повелителя» Европы с его «союзниками». Король и королева саксонские встретили его далеко за пределами своей столицы. Австрийский император с женой не замедлили прибыть на поклон к всемогущему зятю, а затем со специ-

ального разрешения Наполеона приехал прусский король. «Наполеон держал себя с ними в Дрездене милостиво. Правда, все эти монархи при разговоре с ним почтительно обнажали голову, а он оставался в шляпе, иногда он забывал приглашать их сесть, не всем и не сразу давал руку, но на все эти мелочи принято было внимания не обращать. В общем же он был благосклонен, ни на кого из них не кричал, никого не лишил престола, и вернулись они по своим столицам из Дрездена без всяких повреждений».[1]

А в следующем месяце они должны были на деле показать преданность Наполеону и выполнить свои союзнические обязательства, так как 12 (24) июня 1812 г. войска Наполеона, собранные в огромном количестве в Пруссии и в герцогстве Варшавском, начали переправу через пограничную реку Неман в районе г. Ковно (Каунас) без всякого объявления войны. Началась Отечественная война, выявившая необычайный героизм и горячий патриотизм русского народа, закончившаяся через полгода полным разгромом полчищ Наполеона.

Наполеоновская армия, перешедшая границу России 12 (24) июня, насчитывала около 465 тыс. человек. С подошедшими потом пополнениями в ней было около 600 тыс. человек. Русские войска, разделенные на три армии (первая армия Барклая де-Толли, вторая армия Багратиона и третья армия Тормасова), насчитывали в день вторжения Наполеона около 180 тыс. человек и были разбросаны на большом пространстве; при этом гораздо меньшая по численности, чем армия Барклая и Багратиона, армия Тормасова (южная) и корпус Витгенштейна (выделенный как заслон на пути в Петербург) были расположены далеко от главного театра военных действий и во всем ходе операций играли второстепенную роль.

---

[1] Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. ОГИЗ, 1938, стр. 37.

Таким образом, на стороне Наполеона было громадное численное превосходство. Но не только в этом было его преимущество. Вся французская армия была под единым командованием Наполеона; правда, и в ней не всегда имелось налицо полное единство действий, но все-таки она была подчинена единой воле Наполеона. Русские войска не имели главнокомандующего, и если эта роль на деле принадлежала Барклаю, то лишь как старшему по должности — он был военным министром. А так как его взгляды на план кампании не совпадали со взглядами Багратиона, то это приводило к постоянным трениям и вредно отражалось на ходе операций. Другими слабыми сторонами русской армии были: низкий уровень знаний общих и чисто военных, слабая подготовка командного состава, вследствие плохой подготовки дворян к службе в армии, палочная дисциплина, смягченная несколько в 1812 г., колоссальное воровство интендантов. И все же, если сравнивать наполеоновскую и русскую армии, то на стороне второй был ряд таких преимуществ, которые в конце концов определили исход борьбы. Многонациональная армия Наполеона (у нас в 1812 г. говорили о нашествии «двунадесяти язык»), не знала, зачем она вступила в пределы России. В воззвании к «великой армии» 10 (22) июня Наполеон писал: «...Рок влечет за собою Россию, ее судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? [1] Она нас ставит перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдем через Неман, внесем войну на ее территорию. Вторая польская война будет славной для французского оружия, как и первая [2]. Но мир, который мы заключим, будет обеспечен и

[1] Наполеон имел в виду победу, одержанную им в 1805 г. над русскими войсками при Аустерлице (в Австрии).

[2] Первой войной Наполеон считал войну против России, закончившуюся договором в Тильзите в 1807 г.

положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы». Что это говорило рядовому солдату наполеоновской армии, а особенно итальянцам, испанцам, португальцам, швейцарцам и солдатам других национальностей, насильно завербованным в «великую армию»? [1] Во имя чего, во имя какого мира он будет жертвовать жизнью? Другое дело, русская армия: каждый ее солдат знал, что она защищает родину, свою семью и себя от захватчика. И если родина, тогдашняя феодально-крепостническая Россия, была для крестьянина России мачехой, то он был убежден, что настанет время, когда она будет его матерью. Крестьяне твердо верили, что после изгнания «супостата» (так они называли Наполеона) они получат волю.

С верой в себя, в свое будущее крестьянские массы России смело и самоотверженно выступили против вторгшегося врага. Такие же настроения были и у городских низов: работных людей, мастеровых, мелкого купечества. Наконец, и наиболее прогрессивная часть дворянства тоже была настроена патриотически; не забудем, что многие будущие декабристы, эти «дворянские революционеры», по выражению Ленина, были участниками Отечественной войны 1812 г., героями Бородинского сражения. Часть помещиков на свой счет снаряжала отряды ополченцев, купцы вносили пожертвования деньгами. Воля к победе и вера в нее, — вот что составляло главное преимущество русской армии и всего населения России в 1812 г. в их трудной, кровавой борьбе с многочисленным и хорошо организованным врагом. Этого не учел и не мог учесть Наполеон, слуга французской буржуазии, в силу узости своего представления о народе, его требованиях и надеждах. В результа-

---

[1] В одном полку 2-го корпуса маршала Удино, составленном из швейцарцев, одна треть состояла из больных; это объясняется тем, что много рекрутов было приведено в армию закованными в кандалы.

те — полный крах грандиозного, долго и систематически подготовлявшегося предприятия.

Вырабатывая план наступления на Россию, Наполеон исходил из таких соображений: «Если я займу Киев, — говорил он, — я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце». Избрав в виду этого направление на Москву, Наполеон с первых же дней войны поставил своей задачей возможно глубже вклиниться между армиями Барклая и Багратиона, разбить их поодиночке и быстро продвинуться в восточном направлении. Русское командование в лице Барклая приняло единственно правильную при тогдашних условиях тактику: отступая, уклоняться от решительного боя с противником и добиться соединения обеих армий на пути продвижения Наполеона к Москве. Ценой форсированных маршей, ценой громадного напряжения и преодоления многих опасных положений армиям Барклая и Багратиона только через полтора месяца удалось соединиться у Смоленска, на пути наполеоновских полчищ к Москве.

В армии (и прежде всего Багратион) и в широких народных массах считали тактику Барклая ошибочной, подозревали его даже в измене как иностранца (он был шотландцем по происхождению). Дальнейший ход военных событий полностью подтвердил правильность тактики Барклая. К. Маркс дал высокую оценку личности Барклая. «Он был бесспорно лучшим генералом Александра, — писал Маркс, — непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла».[1] Высоко оценил Маркс и тактику Барклая: «Великой заслугой Барклая де-Толли является то, что он не уступил невежественным требованиям дать сражение, исходившим как от рядового состава русской армии, так и из главной квартиры; он выполнил отсту-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 570.

пление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело то ту, то другую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность выполнить свое соединение с ним и облегчить адмиралу Чичагову нападение на тыл неприятеля».[1]

Тактика Барклая учитывала все выгоды и невыгоды положения французской и русской армий в начале войны и в дальнейшем ее ходе, по мере ее затягивания. Наполеону было выгодно дать генеральное сражение русской армии в самом начале войны, пока его армия была свежа, дисциплинирована и почти не терпела никаких невзгод. И мы знаем, что Наполеон всемерно к этому стремился. Для русской же армии в указанных условиях такое сражение было абсолютно невыгодно. Но в то же время она должна была бить врага везде, где для этого представлялась только возможность. И русская армия блестяще разрешила эту задачу, героически нанося «великой армии» удар за ударом и истощая ее силы на всем пути движения Наполеона к Москве. Отходя дальше в глубь России, русская армия сохраняла свою основную силу, увеличивалась пополнениями. Это было совсем не в интересах Наполеона, так как по мере того, как он отходил от своих баз и складов, удлинялись пути подвоза боеприпасов и продовольствия; на охрану этих путей и гарнизонов в занятых местностях надо было выделить значительные силы; затруднения с подвозом продовольствия и фуража заставляли наполеоновских интендантов прибегать к реквизиции у местного населения, что, конечно, его озлобляло и создавало настроения, бывшие основой организации сначала самообороны, а потом и нападения. Правда, русское командование (за исключением Кутузова) и правительство не включали в свои планы войны эти настроения, наоборот, подчас им мешали и во всяком случае не поддерживали. Но на деле этот фактор стал играть одну из решающих ролей.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 569—570.

Наконец, природные условия той части Российской империи, по которой продвигались армии, были более тяжелы для французской армии, чем для русской: леса, болота, многочисленные речки сильно затрудняли движение французской пехоты, ее артиллерии и конницы, привыкших к иным путям сообщения; прошедшие в июне дожди сделали многие местности буквально непроходимыми (надо помнить что в тогдашней России совершенно отсутствовали шоссейные дороги). Русская, армия, конечно, тоже страдала от этих невзгод, но они были для нее более привычными, и потому она легче к ним приспосабливалась. Убыль больными и отсталыми была в гораздо больших размерах в армии Наполеона.

Результат тактики Барклая сказался очень скоро. Под Смоленском, к моменту бомбардировки города, у Наполеона было около 180 тыс. человек, армии Барклая и Багратиона насчитывали около 110 тыс. человек. У Бородина численное соотношение сил оказалось еще более благоприятным для русской армии: в ней было около 120 тыс. человек против 130 тыс. человек у Наполеона.

Но армия Наполеона ко времени занятия Смоленска [6 (18) августа] и особенно ко дню Бородинской битвы [26 августа (7 сентября)] не только сильно уменьшилась численно, она была уже в значительной степени разлагающейся армией. Еще до перехода границы России солдаты и лошади наполеоновской армии, вследствие нерегулярного получения продовольствия и фуража, стали голодать; это повело к мародерству. В Литве и Белоруссии грабежи и мародерство усилились. Чередование дождей и жаркой погоды вызывало на почве голода массовые заболевания. Уже в Вильно, т. е. в первые же дни войны, Наполеон должен был оставить около 3 тысяч больных и раненых из самых отборных полков. От недостатка или плохого фуража, от изнурительного движения по грязи и воде начался массовый падеж лошадей. Планы Наполеона, построенные

на быстром продвижении армии и нанесении быстрого удара русским войскам, в первые же недели войны рухнули.

Но особенно важно было то, что война против Наполеона уже в пределах Литвы и Белоруссии стала приобретать народный характер. Слухи, распространявшиеся среди крестьян Литвы и Белоруссии, что будто бы Наполеон несет им освобождение от крепостного права, были быстро опровергнуты всеми его действиями: крестьянские восстания против помещиков жестоко подавлялись, в Литве было образовано «временное правительство великого княжества Литовского» из представителей литовской знати, Белоруссия была оккупирована прусским корпусом наполеоновской армии, который наводил здесь «порядок». Чтобы у дворян Белоруссии не было никаких сомнений относительно социальной политики Наполеона, его маршал Даву заверил дворян в Могилеве, что крестьяне попрежнему останутся у них в повиновении. Поэтому борьба литовских и белорусских крестьян против оккупантов и мародеров была в то же время и классовой борьбой против защитников интересов дворянства. Литовские и белорусские крестьяне не только отказывались поставлять французской армии продовольствие и фураж, они уничтожали тех солдат, которых французские интенданты посылали за припасами в деревни, лежавшие вдоль пути «великой армии». Борьба, которую вели крестьянские массы Литвы и Белоруссии с оккупантами, доставляла много хлопот наполеоновской армии и сильно осложняла ее положение, а в дальнейшем, по мере своего развертывания, она стала, как уже сказано, одним из основных факторов, приведших к разгрому Наполеона.

Французская армия не всегда, однако, действовала как единое целое. Оказались очень ненадежными «союзники» Наполеона — пруссаки и австрийцы. В этом отношении особенно показательны были события, разыгравшиеся на левом фланге французской армии, в районе Западной Двины. Сюда для действий против Риги и Динабурга был направлен

корпус маршала Макдональда из 32 500 чел. Две трети этого корпуса составляли пруссаки, а одну — вестфальцы, баварцы и отчасти поляки. Макдональд не верил своим войскам и потому бездействовал, не выполняя предписаний Наполеона, не соединился с корпусом маршала Удино и не оказал ему поддержки. Благодаря этому русский корпус Виттенштейна одержал значительную победу над войсками Удино. Все расчеты Наполеона на помощь левого фланга в общем ходе операций и на организацию диверсии против Петербурга рухнули. Немецких генералов, бывших под начальством Макдональда, мало интересовали планы всей кампании Наполеона, мало их интересовала и диверсия на Петербург. Все их внимание было направлено на Прибалтику, которую, как уже сказано, прусский король выпрашивал у Наполеона в случае его победы над Россией. Здесь они «похозяйничали» во второй половине 1812 г., буквально ограбив весь край. Но когда выяснился крах наполеоновского предприятия, они стали «союзниками» Александра.

Наполеон знал о состоянии своей армии, о настроении русского народа; он скоро убедился в невозможности разгромить русскую армию, неизменно уклонявшуюся от решительного боя. Понимая все это, он шел за ней все дальше и дальше на восток, все еще надеясь на быструю и решительную развязку. Отдавали себе отчет в истинном положении вещей и наполеоновские маршалы. Поэтому на совещании 16 (28) июля Наполеон в Витебске торжественно заявил, что он намерен окончить в Витебске кампанию, организовать завоеванные Литву с Белоруссией, укрепиться на своих позициях, пополнить армию и ждать мирных переговоров с Александром, устроившись прочно, спокойно, надолго в завоеванной огромной стране.[1] Но через несколько дней он объявил, что пойдет на Смоленск. Несмотря на

[1] Е. Тарле. Назв. соч., стр. 66.

EB_1941_AKS_378

все возражения маршалов, Наполеон был непреклонен. Общее настроение хорошо выразил граф Дарю, государственный секретарь и главный интендант армии. Он сказал: «Не только ваши войска, но мы сами тоже не понимаем ни целей, ни необходимости этой войны». Наполеон признался, что готов был бы заключить мир, но беда в том, что ведь противник этого не хочет. 10 августа (н. ст.) Наполеон дал приказ о дальнейшем наступлении.

Но в Смоленске Наполеон уже сам попытался реализовать свою мысль о заключении мира. С одной стороны, ему не удалось и под Смоленском дать генеральное сражение, с другой — заставляли призадуматься беспримерная стойкость дивизии Неверовского и корпуса Раевского и вообще героизм, проявленный русскими солдатами под Смоленском. Современники-очевидцы свидетельствуют, что командирам приходилось шпагами останавливать солдат, когда они без всякой команды бросались в штыки при явном перевесе сил на стороне французов; наконец, ярко выявился патриотизм жителей Смоленска, которые, уходя из города, предпочитали уничтожить, сжечь свое имущество, но не отдать его врагу; из 15 тыс. жителей в нем осталась только одна тысяча, остальные или погибли, или бежали, или вступили добровольцами в отступавшую армию. Наполеону достались горящие развалины этого древнего русского города, не раз видавшего врага под своими стенами.

Опять встал роковой вопрос: что делать дальше? Мюрат, король неаполитанский, начальник всей кавалерии и зять Наполеона, на коленях умолял его остановиться в Смоленске. «Москва погубит нас», — говорил он. «Честь, слава, отдых, — все будет в Москве», — возражал император. Все же он колебался. После объезда Смоленска, он сказал: «Первая русская кампания кончена». Приказав привести пленного генерала Тучкова, он поручил ему написать письмо брату, командиру 3-го корпуса, чтобы тот нашел способ довести до сведения императора Александра сле-

дующие слова Наполеона: «Я ничего так не хочу, как заключить мир. Довольно мы уж сожгли пороха и пролили крови. Надо же когда-нибудь кончать». Правда, он еще грозил взять и разорить Москву, но Наполеон уже сам, вероятно, понимал, что не в этом решение поставленной им задачи.

Письмо было написано, доставлено по назначению, но ответа на него Наполеон не получил. Александр не мог пойти на переговоры о мире. Настроение во всех слоях населения было таково, что всякая попытка Александра в этом направлении могла бы стоить ему престола. Если армия и народ негодовали на Барклая за его тактику отступления, требуя решительного отпора врагу, то как могло бы быть воспринято известие о переговорах о мире с захватчиком, разоряющим и опустошающим страну на всем пути следования его армии.

В ночь на 13 (25) августа Наполеон выступил из Смоленска. Зарево пожаров сжигаемых крестьянами деревень, стогов сена, соломы и пр. освещало его путь. Именно в это время и зародилось партизанское движение. Инициатива, исходившая от широких народных масс, была подхвачена подполковником Ахтырского гусарского полка Денисом Давыдовым. Он обратился к князю Багратиону с письмом, в котором просил разрешения лично изложить свой план партизанской войны. Развивая этот план перед Багратионом, Давыдов старался обосновать положение: «обратить настоящую войну в народную». Багратион поддержал инициативу Давыдова, а Кутузов, принявший в Цареве-Займище главное командование над всеми русскими войсками, разрешил Давыдову взять 50 гусар и 80 казаков; помощниками Давыдова в командовании этим отрядом были 5 офицеров. Кутузов и потом всячески поддерживал организацию партизанских отрядов. Вслед за отрядом Давыдова организовались партизанские отряды капитана А. Фигнера, А. Сеславина, И. Дорохова, кн. Кудашева и др.

Эти отряды проявляли необыкновенную отвагу и находчивость и были неуловимы. Налетая на французские войска, когда их менее всего ожидали, партизаны наводили на них неописуемый ужас, отбивали пленных, награбленное добро, уничтожали целые отряды, транспорты с снарядами. Но как ни была важна организация таких партизанских отрядов под начальством офицеров, важнее была организация крестьянской самообороны и чисто крестьянских партизанских отрядов, поскольку они носили массовый характер.

В своем «Дневнике партизанских действий» Денис Давыдов рассказывает: «Даже места, в которых еще не было неприятеля, представляли нам немало препятствий. Общее и добровольное ополчение поселян преграждало нам путь. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад, с вилами, кольями, топорами, и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли к ним на помощь. Часто ответом нам был выстрел или пущенный с размаха топор, от удара которого судьба спасала нас. Мы могли бы обходить селения, но я хотел распространить слух, что войска возвращаются [1] и, утвердив поселян в намерении защищаться, склонить их к немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля; потому с каждым селением долго продолжались переговоры до вступления в улицы. Там сцена внезапно изменялась: едва сомнение уступало место уверенности, что мы русские, как хлеб, пиво, пироги были подносимы солдатам».

Замечательным организатором партизанских отрядов в это время был неграмотный солдат драгунского полка Ермолай Четвертаков. Когда в схватке с французами у Царева-Займища под ним была ранена лошадь, он попал в

[1] Все это происходило еще до вступления Наполеона в Москву. Давыдов со своим отрядом действовал в районе Медыни.

плен. Но в Гжатске ему удалось бежать от конвоя. Он пришел в деревню Басманы, далеко к югу от Смоленской дороги, по которой шла французская армия, и стал здесь вести агитацию среди крестьян за организацию партизанского отряда. Мало-по-малу из крестьян деревни Басманы и соседних с ней он организовал отряд в несколько сот человек. Размеры его операций все росли. Четвертаков тревожил неприятеля неожиданными нападениями, умно и осторожно выслеживал небольшие партии французов и обрушивался на них, как снег на голову. Территорию вокруг Гжатска он очистил от мародеров. Когда на его призыв присоединилось к его отряду в 300 человек около 4 тыс. крестьян, он предпринял нападение на французский батальон с орудиями, и батальон отступил. Несколько месяцев Четвертаков руководил партизанами. Он причинил французской армии очень большой урон и тем облегчил задачу регулярной русской армии.

Одним словом, Четвертаков и его сподвижники делали в соответствующих тому времени условиях как раз то, к чему призывал советский народ тов. Сталин в своем обращении 3 июля с. г., когда говорил: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов».

Вскоре после отхода от Смоленска главнокомандующим русской армии был назначен замечательный стратег и тактик, вышедший из школы Суворова, князь Михаил Илларионович Кутузов. Император Александр должен был назначить Кутузова, несмотря на всю свою неприязнь к нему, так как, по его словам, «Кутузов в большом фаворе среди публики как тут (в Петербурге), так и в Москве». Александр не мог простить Кутузову поражения русской армии под Аустерлицем в 1805 г., хотя сражение с французами

было тут дано по настоянию самого Александра и вопреки мнению Кутузова; Александр обвинял Кутузова в том, что он не сумел доказать ему правильность своей точки зрения.

Кутузов, несмотря на свой возраст (в 1812 г. ему было 67 лет, он умер через 9 месяцев после назначения главнокомандующим), сохранил ясность мысли и прекрасное понимание той обстановки, в которой ему пришлось взять на свою ответственность решение вопроса о том, как победить более сильного численно врага. Именно в этом он видел свою основную задачу; разрешить ее он хотел с наименьшей затратой человеческих жизней с русской стороны.

Приняв в Цареве-Займище командование над всеми русскими войсками и сказав при встрече с ними: «Как с этакими молодцами отступать», Кутузов немедленно дал приказ отступать на Гжатск и далее. Авторитет Кутузова был настолько велик в армии, что приказ не вызвал недовольства: если это сказал Кутузов, значит так и надо.

Однако Кутузов понимал, что и для него отступление возможно только до известного предела. Поэтому он послал офицеров своего штаба вперед, по направлению к Москве, для выбора позиции, на которой можно было бы дать сражение Наполеону. Позиция, с одобрения Кутузова, была выбрана у села Бородина (в 110 километрах от Москвы). Наспех стали возводить укрепления, поправляя «искусством» то, чего не дала природа. Кутузов не мог не сознавать многих недостатков этой позиции, но выбора у него не было. Здесь после предварительного столкновения у д. Шевардино разыгралось 26 августа (7 сентября) знаменитое в летописях военной истории Бородинское сражение, о котором написаны тысячи книг и статей, сложены тысячи песен, стихотворений, рассказов и легенд.

Как уже сказано, численное соотношение сил было здесь довольно благоприятным для русской армии; моральное состояние русской армии было очень хорошим. В ар-

мии Наполеона был также подъем, но совсем иного рода: русская армия остановилась, наконец состоится генеральное сражение, которого так долго искал Наполеон и которое должно решить исход всей кампании, а там Москва с ее богатствами, теплыми зимними квартирами и мир, давно желанный мир! в приказе по армии 6 сентября Наполеон писал: «Солдаты, вот битва, которую все так желали. Впредь победа зависит от вас! Она нам необходима, она нам даст изобилие, хорошие зимние квартиры, быстрое возвращение на родину». Поэтому атаки французских войск были яростны и настойчивы. «Вот оно, солнце Аустерлица!» — так приветствовал Наполеон восход солнца утром 26 августа. И его армия тоже была убеждена, что в этот день она добьется успеха — второго Аустерлица.

Однако наполеоновская армия на Бородинском поле встретилась с таким героизмом, бесстрашием и стойкостью русской армии, каких не было и не могло быть при Аустерлице, на чуждых для русского солдата полях Австрии. Здесь, у Бородина, он защищал свою землю, свою родину, свою национальную независимость. Бородинское сражение было одним из самых кровопролитных сражений в мировой военной истории: французская армия потеряла около 50 тыс. человек, русская около 58 тыс., т. е. из строя выбыло убитыми и ранеными около половины участников сражения. Наполеон, овладев во время сражения частью русских укреплений, к ночи этого дня отошел на свои исходные позиции. Русская армия провела ночь на 15 (27) августа на своих позициях. Это не помешало, однако, Наполеону в сообщениях, посланных в Париж, изобразить Бородинское сражение как победу над русской армией. Но современники-французы, участники этого сражения, свидетельствуют, что ни сам Наполеон, ни его маршалы не чувствовали себя победителями; бесстрашие, отвага, беспредельная готовность жертвовать жизнью ради свободы и независимости родины, проявленные русской армией в этом

бою, были таковы, что не могли создать победоносного настроения во французской армии. И сам Наполеон оценивал впоследствии Бородинское сражение совсем не как победу: «Самое страшное из всех моих сражений это то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали славу быть непобедимыми».

Характерно, что Наполеон, понимая сложившуюся обстановку, не рискнул двинуть на поле битвы свою старую гвардию. Она была его последним ресурсом, который мог еще понадобиться.

По существу Бородинское сражение уже предрешило разгром Наполеона. А ведь это была битва, к которой он стремился два с половиной месяца и которая, по его мнению, должна была определить исход всей кампании.

Но если французы в результате Бородинского сражения не чувствовали себя победителями, тем меньше русские могли считать себя побежденными. И только огромные потери армии заставили Кутузова к утру 15 (27) августа дать приказ об отступлении. Бородинское сражение, покрывшее неувядаемой славой русскую армию, было и тактической и моральной ее победой. Недаром один из самых видных генералов русской армии — Ермолов говорил, что на Бородинском поле «французская армия разбилась о русскую армию». В русской армии вера в конечную победу, в освобождение от захватчиков была попрежнему жива. Благодаря этому Кутузов мог решиться, вопреки мнению большинства своих генералов на совете в Филях 1 (13) сентября, отдать Москву без боя. Еще раньше он говорил не раз: «Москва — это еще не Россия», «Лучше потерять Москву, чем армию и Россию».

2 (14) сентября Наполеон подошел к самой Москве и остановился на Поклонной горе, с которой открывался прекрасный вид на столицу. Офицеры-французы, участники наполеоновского похода, свидетельствуют, что восторг при

виде Москвы был всеобщий. «Обезумевшие от радости, — пишет один из них, — хлопая в ладоши, задыхаясь, кричат нам: «Москва! Москва!». Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и поднимаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости, и отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!» Другой пишет: «Подъехал сам Наполеон. Он остановился в восторге, и радостное восклицание вырвалось из его уст. Его первое восклицание было: «Так вот он, наконец, этот знаменитый город!» и затем прибавил: «Давно пора!»

Однако вскоре наступило горькое разочарование. Те, которые поспешили поскорее проникнуть в город, убедились, что он пуст. Наполеон, ожидавший депутации из «бояр» с ключами от городских ворот (такая церемония не раз проделывалась перед Наполеоном при занятии им ряда городов Западной Европы, как традиция, сохранившаяся от средних веков), получил самые точные донесения, что Москва пуста. В ней остались лишь те, кто был лишен возможности в силу тех или иных причин бежать со всем населением (бедняки, больные и раненые, иностранцы) или был оставлен для охраны невывезенного имущества (дворовые слуги домовладельцев-помещиков и купцов). В спешке и суматохе было брошено и попорчено очень много всякого имущества, но зато в несколько дней (официально о сдаче Москвы без боя было объявлено только после совета в Филях) едва ли не 99% населения покинули Москву: ее жители не хотели иметь никакого дела с оккупантами.

«Ни один москвич не показывался, — пишет один француз — участник вступления «великой армии» в Москву, — ни одной струйки дыма не поднималось из труб домов, ни малейшего шума не доносилось из этого обширного и многолюдного города. Казалось, как будто триста тысяч жителей точно по волшебству были поражены немой неподвижностью; это было молчание пустыни». Когда Наполеон окончательно убедился в полном опустении Москвы, он, по

словам того же автора, пожал плечами и с тем презрением, с которым он встречал все, что противоречило его желанию, воскликнул: «О! русские еще не знают, какие последствия повлечет взятие их столицы!»

Раздражение и чувство досады помешали ему вспомнить предостерегающие слова Мюрата, сказанные им в Смоленске.

Этот беспримерный в истории массовый исход населения из столицы государства произвел громадное впечатление на оккупационную армию. Еще раз она должна была почувствовать, что имеет дело не только с неприятельской армией, не только с правительством, но со всем народом.

Проехав по пустынным улицам к Кремлю, Наполеон расположился в императорском дворце. Но в тот же вечер новая тревога овладела французами: в Москве начались пожары. Все усиливаясь и расширяясь, они охватили все части города. Через несколько дней три четверти Москвы выгорело. Пожар был так велик, что огонь стал грозить Кремлю, и по настоянию приближенных Наполеон должен был перебраться в Петровский дворец (теперь Военно-Воздушная академия им. Жуковского; в 1812 г. это здание было за чертой города, среди большого леса). С большим трудом и опасностью для жизни пробрался сюда Наполеон через горящие улицы. Виновниками пожаров французское командование объявило оставшихся в Москве жителей и стало широко применять расстрелы «поджигателей»; ими оказывались все, кто попадался под руку французским патрулям и виновность кого сплошь и рядом не могла быть доказана.

Наполеон правильно оценивал причину пожара Москвы. Глядя на пожар из окна Кремлевского дворца, он говорил: «Это они сами поджигают. Что за люди! Это скифы! Варвары! Какое страшное зрелище! Это превосходит всякое вероятие. Это война на истребление, это ужасная тактика, которая не имеет прецедентов в истории цивилизации...

Сжигать собственные города... Какая решимость! Какой народ!»

Пожар Москвы в 1812 г. после занятия ее французами был проявлением патриотизма со стороны населения столицы: жители Москвы, уходя из города 2 (14) сентября, поджигали оставленные строения; то же делали в последующие дни те немногие москвичи, которые не могли или не хотели уйти вместе с армией.

«Пусть лучше сгорит, но не достанется врагу!» — вот лозунг, которым они руководились. Это было совершенно аналогично тому, что делали крестьяне той полосы России, которая была охвачена вторжением наполеоновских полчищ, когда они сжигали деревни, стога сена, скирды хлеба. В тогдашней Москве было очень много деревянных построек, во многих частях города расположенных очень скученно, и это содействовало быстрому распространению огня. Способствовали этому также сильные ветры, которые как раз в первые дни занятия Москвы французами бушевали над ней. Некоторую роль в возникновении пожаров сыграли мародеры французской армии, набросившиеся на оставленное москвичами добро, продовольствие и особенно запасы водки и вина. Пьяные грабители, шарившие по подвалам, чердакам и чуланам и устраивавшие в опустевших домах оргии, не раз сами оказывались виновниками пожаров.

Таким образом, вместо теплых зимних квартир с обильными запасами продовольствия и всяких вещей, вместо спектаклей и увеселений, французская армия получила на три четверти сгоревший и почти совершенно опустевший город с незначительными запасами и без всяких увеселений, если не считать попоек, устраивавшихся офицерами и солдатами «великой армии» за счет запасов водки и вина, найденных ими в уцелевших в первые дни от пожара московских домах.

Разложение наполеоновской армии, начавшееся еще на пути ее следования к Москве, здесь пошло все возрастаю-

щими темпами. Дисциплина падала, причем, по свидетельству современников, она окончательно развалилась в немецких и итальянских отрядах. Попытки бороться с грабежами, учинявшимися солдатами, ни к чему не приводили, даже солдаты наполеоновской гвардии устраивали лавочки, в которых торговали награбленным добром. Попытка сколотить какое-то подобие общественного управления из нескольких русских купцов и чиновников не увенчалась успехом.

Недостатки продовольствия, фуража и топлива заставили французское командование посылать отряды для реквизиции в окрестности Москвы. Но тут они натолкнулись на организованное сопротивление крестьянства. За пять недель пребывания Наполеона в Москве партизанское движение среди подмосковных крестьян получило громадный размах. Сильнее всего, оно охватило Рузский, Звенигородский, Волоколамский, Клинский, Бронницкий, Богородский и Серпуховский уезды. Интересны формы партизанского движения среди крестьян. Один из организаторов его, гусар Елисаветградского полка Федор Потапов, по прозванию Самусь, раненный в боях по Московской дороге, нашел приют в одной из деревень. Несколько оправившись от раны, он «кипя негодованием на злочестивых врагов», стал уговаривать крестьян организоваться для защиты себя и для борьбы с врагами. Многие крестьяне «пристали» к Самусю, который был избран начальником. Вскоре в его дружине было более 3 тыс. человек. Оружие доставали главным образом от убитых французов. Достали даже пушку. «Благоразумный Самусь, — рассказывает современник, — ввел удивительный во всех подчиненных ему деревнях порядок. У него все исполнялось по знакам, которые подавались посредством колокольного звона и других условных примет. Часто с приближением неприятеля в подмосковных селах по первому знаку все деревни становились пусты; другой знак вызывал опять поселян из лесов в дома. Раз-

личные маяки и звон в колокола разной величины возвещали, когда и в каком количестве, на лошадях или пешими итти на бой. Сими средствами причиняя величайший вред неприятелю, всегда неустрашимый и всегда бескорыстный Самусь сохранил почти все имущество храбрых своих крестьян, которые любили его, как отца, и боялись, как самого строгого начальника».

Партизаны и казаки не раз проникали в самую Москву и наводили панику на французов. Особенно прославился в таких делах Фигнер, который то переодевался в крестьянское платье и, войдя в Москву, организовывал тут партии для борьбы с мародерами, то во французский офицерский мундир; свободно владея французским языком (а также немецким, итальянским и польским), он выведывал тут то, что ему было нужно, и исчезал.

Когда один крестьянин подмосковной деревни, польстившись на обещания французов хорошо заплатить за доставленную провизию, отвез в Москву целый воз съестных припасов и по возвращении стал хвалиться своими барышами, односельчане собрали сходку и постановили отправить его к ближайшему начальству как изменника.

Наполеон, отдавая себе отчет о положении своей армии, три раза за время своего пребывания в Москве делал попытки вступить с императором Александром в переговоры о мире, но и эти его попытки были так же безрезультатны, как и предыдущие.

Было ясно, что надо уходить из Москвы. Но как уйти? Как решиться отступить когда Наполеон привык только наступать! Принять такое решение было трудно, но тем не менее 6 (18) октября оно было принято после того, что произошло в этот день к югу от Москвы, у Тарутина.

Когда русская армия прошла 2 (14) сентября через Москву и вышла на Рязанскую дорогу, то ее арьергард довольно долго шел по ней, вводя в заблуждение об истинных планах Кутузова следовавший за ним французский

авангард. Главные силы свои Кутузов повернул с Рязанской дороги к югу и мимо Подольска вывел их в район Пахры, прикрывая путь на Калугу, где были огромные интендантские склады.[1] Здесь часть русской армии пришла в соприкосновение с французским авангардом (под начальством Мюрата), выдвинутым к югу от Москвы. Довольно долго ни та, ни другая сторона не предпринимала никаких действий друг против друга. Но 4 (16) октября Кутузов, уступая настояниям генералов, находившихся при нем, разрешил произвести нападение на Мюрата, и 6 (18) у Тарутина произошел бой, закончившийся победой русских войск. Кутузов, сберегая силы русской армии, не дал этому бою развернуться в большое сражение. Однако известие о Тарутинском бое окончательно побудило Наполеона к уходу из Москвы.

Вслед за отступающей 100-тысячной армией, еще сохранявшей боеспособность, двигался длиннейший обоз из карет, дрожек, телег, наполненных награбленным в Москве добром; ехали в экипажах и шли пешком тысячи людей — мужчин, женщин и детей; это были иностранцы, не ушедшие из Москвы вместе с русским населением и теперь покидавшие Москву вместе с «великой армией». Уходя из Москвы, Наполеон оставил там гарнизон в 8 тыс. человек под начальством генерала Мортье; он приказал ему после выхода из города армии взорвать Кремль. Это была месть за все те неудачи, которые постигли Наполеона и его армию во время похода на Россию. 7 (19) октября был взорван винный двор, а 9—11 (21—23) октября происходили взрывы в Кремле, от которых тряслась земля в Москве. К счастью, вследствие дождя фитили в некоторых местах подмокли, и некоторые здания, обреченные на разрушение, уцелели.

[1] Это был «фланговый марш» Кутузова, который военные специалисты ставят ему в особую заслугу, придавая ему большое значение в разгроме Наполеона.

Взорваны были арсенал, часть Кремлевской стены, частично Никольская башня и башни, обращенные к Москве-реке; в Грановитой палате и соборах начались пожары. Так ответил император «цивилизованной» Франции «варварам» и «скифам», не хотевшим отдать свою родину и свою столицу на разграбление завоевателю.

После выхода из Москвы Наполеон, присоединив к себе отряд Мюрата, решил двинуться на Калугу, чтобы, пополнив тут свои запасы, по новой, не опустошенной дороге итти на Смоленск, где, как он полагал, уже должно было быть собрано всевозможное продовольствие, фураж и обмундирование.[1] Но под Малоярославцем ему преградила путь армия Кутузова. После жестокого боя, во время которого город несколько раз переходил из рук в руки, Кутузов отошел от Малоярославца, но Наполеон не решился напасть на него и через Боровск — Верею — Можайск вышел на старую, совершенно разоренную Смоленскую, дорогу. Теперь он приказал забирать у населения все, что только могло пригодиться армии, и сжигать города и деревни. В Верее к Наполеону присоединился Мортье, покинувший Москву после устроенных им взрывов.

Во время операций у Малоярославца Наполеон, ехавший в сопровождении небольшой свиты, едва не был захвачен казаками. Вечером в тот же день он приказал главному врачу старой гвардии приготовить ему флакон с ядом. С этим флаконом он потом уже не расставался.

Началось отступление «великой армии». Ей предстояло проделать громадный путь до границы по местам, уже опустошенным при движении на Москву. С новой силой разгорелось партизанское движение. Медынский, Сычевский,

---

[1] Эти расчеты Наполеона не оправдались, а то немногое, что нашла здесь его армия, было ею быстро растащено; ни о каком рациональном распределении и использовании запасов в это время уже не могло быть и речи. Угроза расстрелов не действовала на грабителей.

Масальский и другие уезды дали многих руководителей и организаторов партизанских отрядов. Неустанно следовали за французской армией Давыдов, Сеславин, Фигнер, атаман Платов со своими казаками. По неполным данным можно насчитать до 70 имен партизан — руководителей отрядов — и в том числе до 43 имен крестьян.

Необходимо также отметить большую роль женщин в партизанском движении и яркие проявления партриотизма в 1812 г. среди них. Большую известность получила тогда Василиса Кожина, старостиха, т. е. жена сельского старосты в одной деревне, в Сычевском уезде. Муж ее как-то повел в город партию пленных, захваченных крестьянами. В его отсутствие крестьяне поймали еще нескольких французов и тотчас привели к старостихе Василисе для отправления их куда следует. Не желая отвлекать взрослых от их главного дела, Василиса собрала небольшой конвой ребят, села сама на лошадь, велела пленным построиться и итти, куда будет указано. При этом она кричала: «Ну злодеи французы! во фрунт! Стройся, ступай, марш!» Когда один из пленных, раздраженный тем, что «баба» ими командует, не послушался ее, Василиса так ударила его по голове косой, что он замертво упал на землю. Остальных она доставила к начальству.

Когда армия стояла у Тарутина, то крестьяне, как рассказывет один современник, из ближних и дальних селений приезжали в лагерь повидаться с оставшимися в живых родственниками и земляками; крестьяне толпами ежедневно приходили с гостинцами в полки, отыскивали мужей, сыновей, братьев. «Я видел, — говорит он, — таких прихожанок, одушевленных воинским патриотизмом, которые говорили: «Только дай нам, батюшка, пики, то и мы пойдем на француза...».

Патриотизм был присущ и женщинам из дворянской среды. Вот, например, что писала 15 октября 1812 г. одна из них, некто М. А. Волкова, своей приятельнице. Возмущаясь

словом «варвары», которые французы употребляли в отношении русских, она пишет: «Как осмеливаются они называть варварами народ, сидящий тихо и спокойно у своего очага, но который защищается отчаянно, когда на него нападают, и скорее соглашается всего лишиться, чем быть в порабощении. Образованными они зовут орду бродяг, вырвавшихся из ада, чтобы все жечь, разорять и проливать кровь. Что они ни говори, быть русским или испанцем есть величайшее счастье; хотя бы мне пришлось остаться в одной рубашке, я бы ничем иным быть не желала, вопреки всему».

Однако дворянско-крепостническое правительство Александра I не только не поддерживало патриотического движения широких народных масс, но боясь его, подчас ему мешало, опасаясь, чтобы крестьяне не повернули оружие против помещиков. Так, например, командир кавалерийского отряда, стоявшего около города Клина, ротмистр Нарышкин роздал крестьянам, желавшим помочь армии, имевшееся у него в отряде лишнее оружие. И вдруг он получил от начальства предписание разоружить крестьян, чем был очень возмущен, и отказался выполнить его.

Путь отступления армии Наполеона был усеян трупами людей и лошадей, падавших от голода, утомления и болезней. Почти лишенные всего необходимого на этом страдном пути, французы тем не менее вели за собой некоторое количество пленных, которых при малейшем отставании пристреливали. Партизаны не оставались в долгу. Не только одиночки-солдаты, но сплошь и рядом целые отряды, отделившиеся от главных сил, беспощадно ими уничтожались.

Кутузов, верный своей тактике беречь русские силы, шел «параллельным маршем» с армией Наполеона, не давал ей крупных сражений, но постоянно ее теснил и тревожил. Французская армия и без крупных боев таяла не по дням, а по часам. Голод, болезни, все усиливающиеся по-

EB_1941_AKS_378

сле Смоленска морозы и снег, постоянные налеты партизан и казаков, — все это ежедневно сокращало численность отступающей армии. При переправе через Березину Кутузов, правда, сделал попытку окружить остатки наполеоновских войск, но ловкий маневр Наполеона, переправившегося через эту реку не в том месте, где ожидало его переправы русское командование, неудачные действия армий генерала Витгенштейна и адмирала Чичагова, позволили Наполеону спасти часть армии. Однако тысячи французов погибли во время переправы по наскоро наведенным мостам. Не лучше было положение тех, которые пытались переправиться вплавь. Здесь же погибло почти все гражданское население, сопровождавшее отступающих французов. Наполеон проделал со своей армией почти весь путь от Москвы к границе. Но 6 декабря он покинул ее, передав главное командование неаполитанскому королю Мюрату, и умчался в Париж собирать новую армию.

Никто из переживших отступление от Березины к границе не сумел его описать. Пытавшиеся это сделать говорили, что словами нельзя передать все то, что они видели.

Вот что писал о тактике Кутузова крупнейший военный историк того времени К. Клаузевиц в книге «1812 год»: «Французская армия перестала существовать, а вся кампания завершилась полным успехом русских... Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию. Правда, русские генералы часто проявляли нерешительность в то самое мгновение, когда следовало захватить бегущих, но все же заслуживает удивления энергия общего натиска при огромном масштабе фронта. В ноябре и декабре, после крайне тяжелой, напряженной кампании, среди снегов и льдов России, то по плохим проселочным дорогам, то по совершенно опустошенной большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях преследовать

бегущего неприятеля на расстоянии 120 миль в течение 50 дней представляет собой, пожалуй, нечто беспримерное; чтобы вкратце очертить огромный масштаб требовавшегося напряжения, достаточно будет указать на то, что главная русская армия, выступившая из Тарутина в числе 110 тысяч человек, дошла до Вильно в составе 40 тыс. Остальные 70 тысяч остались позади: умершие, раненые, больные или окончательно истощенные. Такое напряжение делает высокую честь князю Кутузову».

Вечером 2 (14) декабря 1812 г. последние остатки наполеоновской армии перешли через Неман около Ковно. Всего перешло границу около 30 тыс. человек. Вот все, что осталось от 600 тыс. человек, которые полгода назад перешли границу в обратном направлении.

Таков был конец грандиозного предприятия, задуманного Наполеоном и имевшего целью сделать население России послушным орудием в руках французской буржуазии для установления ее всемирного господства. Конечно, это был полный разгром. Каковы же были его причины?

Основная причина разгрома Наполеона в России в 1812 г. заключалась в том, что ему пришлось вести войну в стране, для населения которой война с ним стала подлинно народной, отечественной войной. Плохо было свое царское правительство, тяжел был для народных масс помещичий гнет, но ведь Наполеон не нес свободы, равенства и братства. Во всех покоренных им странах он в угоду французской буржуазии подавлял рост народного хозяйства, подавлял развитие национальной культуры, проявление всякой свободной мысли. То же должно было постигнуть и Россию. К гнету царскому, к гнету помещичьему, в случае его победы, присоединялся бы еще гнет иноземного и иноплеменного завоевателя, представителя чуждой народным массам культуры. Недаром Кутузов говорил послу Наполеона Лористону, явившемуся к нему в ставку у Тарутина с предложением переговоров о мире, что русские

крестьяне относятся к французам так, как их предки относились к татарским завоевателям. Недаром подмосковные крестьяне долго вспоминали нашествие Наполеона, как «татарское разорение». Поэтому-то народные массы России вели войну против Наполеона с таким напряжением, с таким самопожертвованием. Только один исход этой войны допускался населением России: полное изгнание наполеоновских полчищ из России. Наполеон не учел этого исключительного по своему значению фактора войны (как не учел он его и в Испании), отсюда крах всего его предприятия.

Большое значение имела тактика Барклая и Кутузова, которым пришлось, исправляя книжные планы царского штаба, проводить метод затягивания войны, завлечения Наполеона внутрь страны. Огромные размеры территории Российской империи делали этот метод очень действенным.

Оказало свое действие и наличие в армии ряда талантливых генералов и офицеров, не жалевших ни сил, ни жизни для лучшей и наиболее эффективной организации отпора врагу. Сказалась и перестройка армии на началах новых методов стратегии и тактики; в частности, положительную роль сыграла реорганизация артиллерии, произведенная незадолго до войны.

Разноплеменная армия Наполеона (французы составляли в ней не более половины) не знала и не понимала целей и задач похода; она только повиновалась воле своего вождя, престиж которого стоял очень высоко. Но этого оказалось мало, и армия перестала существовать.

Соотношение сил, громадный моральный подъем населения России, определивший исход войны 1812 г., понимали многие передовые русские люди того времени. Так, декабрист И. Д. Якушкин писал: «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторг-

шихся в Россию галлов (французов) и с ними двунадесять языцы, если бы народ попрежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все население Москвы вместе с армией из древней столицы. По Рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнится слово шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла».

В трудных условиях пришлось вести Отечественную войну 1812 г. населению России под руководством правительства, не только чуждого, но и враждебного народу. И тем не менее народ победил. Нынешнюю вторую отечественную войну против фашистских извергов население Великого Союза Советских Социалистических Республик ведет в совершенно иных условиях: народ и правительство — теперь единое целое. Народ под руководством своего правительства защищает не дворянскую монархию, а свою социалистическую родину. Кто же может теперь сомневаться, что советский народ не только отстоит свою землю, но и оторвет голову чудищу — фашизму, несущему повсюду разрушение, смерть и порабощение. Вся наша страна уже ответила мощным, единодушным порывом на призыв товарища Сталина: «Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» Гитлера ждет в отечественной войне советского народа такой же разгром, какой постиг Наполеона в Отечественной войне 1812 г.

Наше дело правое! Победа за нами!

Редактор издательства Ц. М. Подгорненская

Подписано к печати 14/VIII 1941 г. РИСО № 1071. Л 143910.
Печ. л. $1^1/_4$. Уч. изд. л. 1,66. Цена 35 коп.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Заказ № 972.

Цена 35 коп.

19473а
14
Акр
5771
52-53 г